

Морвейн Ветер

ТУМАНЫ
ЗАМКА БРО

18+

Морвейн Ветер

Туманы замка Бро:

Том 1. Замки в тумане

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59590742

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-03995-7

Аннотация

Этих двоих связало время. Один – потомственный аристократ. Другая – художница без гроша в кармане. Встретившись, они узнают друг друга с первого взгляда. Но только один из них помнит, какие загадки таят в себе туманы прошлого. Туманы замка Бро.

Содержание

Пролог	4
ЧАСТЬ 1. Замки в тумане	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Морвейн Ветер

Туманы замка Бро:

Том 1. Замки в тумане

Пролог

*Когда я проснусь – снова буду один
Под серым небом провинции.
Уже зажгутся огни, словно лужи – глаза,
Словно капли в воде...*

Наутилус Помпилиус, "Чужая земля»

У смерти – чёрные глаза. Кейтлин знала это всегда.

Бездонные, как колодец, в котором можно увидеть звёзды.

Глаза смерти смотрят на неё – и боль растворяется в темноте. Тьма обволакивает тело ласковым покрывалом.

Он забирает боль. Он – тот, на ком кончается время. Он – начало всего и конец всего.

Чьи-то пальцы впиваются в бёдра – это маленькая боль станет лишь каплей в море той боли, которая затопит разум до краёв.

Это и не боль вовсе. Боль – там, внутри. Не там, ниже жи-

вота, где пульсирует огонь, где раз за разом обжигают прикосновения чужой плоти.

Боль – намного выше. Она в сердце. В глазах того, кто станет началом и концом всего.

Её переворачивают на спину, и чёрные звёзды исчезают из поля зрения. Теперь она видит другие – маленькие, злые глаза.

Нет, на самом деле они не маленькие. Это обычные глаза человека, которому безразлично, будет она жива или умрёт.

Кейтлин видела уже достаточно таких глаз, чтобы сказать абсолютно точно – им всё равно.

И свет гаснет, так же, как гаснет тьма. На смену приходит ничто. Мёртвенная чёрная пустота. И боль. По-прежнему остаётся боль.

«Я убью его...» – Кейтлин слышит свой голос в пустоте, и, наверное, её мучитель тоже слышит его.

Мужчина бьёт её по лицу, так что искры сыплются из глаз, и дёргает ноги в стороны – её ноги, так, что кажется – рвутся связки. Она почти чувствует, как сочится по коже кровь – или это ещё одна иллюзия? Кейтлин не может сказать.

Боль слабеет. Она теперь как волны океана, тихого после шторма – затопляет всё вокруг.

Кейтлин закрывает глаза, но даже сквозь веки всё ещё видит его.

ЧАСТЬ 1. Замки в тумане

Глава 1

Утро имело серый цвет – цвет дымчатого гранита и разбитых иллюзий. Город ещё не потушил огни, и они слабо мерцали в тумане за окном – там, вдалеке, по другую сторону Темзы.

Кейтлин заметила, что серый цвет имели каждое утро и каждый день. Казалось, солнце никогда не выглядывает из марева, повисшего над городом, и порой Кейтлин спрашивала себя: а есть ли вообще солнце, или оно приснилось ей, так же, как снились боль, радость, холодная сталь и чёрные глаза, различимые даже в темноте.

Кейтлин встала и миновала череду колонн, оставшихся от прежних владельцев – когда-то их с Джеком студия служила вовсе не студией и даже не общежитием, а доком в восточной части Лондона. Иногда Кейтлин казалось, что здесь, в полу-подземном помещении с огромными стрельчатыми окнами, всё ещё пахнет смолой и промокшим дубом, и эти запахи, чем-то неуловимо напоминавшие запахи из её снов, помогали мириться с тем, кто она есть.

Кейтлин скрылась за перегородкой, отделявшей ванную от жилой части подвала, и сунула голову под ледяную во-

ду. Бойлер давно перестал работать, и о горячей оставалось только мечтать. У Джека не хватало денег на новый, а сама Кейтлин даже не представляла с чего начать – она вполне спокойно могла обходиться и так.

Кейтлин всё равно не чувствовала холода от ледяной воды. По крайней мере, не больше, чем холод, насквозь пронизывавший стены по ночам, когда хотелось только закутаться в одеяло поплотней и никогда не просыпаться.

Видеть сны. Не такие, какой явился ей этой ночью – такие сны Кейтлин не любила. Они оставляли чувство тяжести в голове на весь день и ирреальность происходящего виделась ещё отчётливей. Мир вокруг превращался в чёрно-белое немое кино, снятое на старую плёнку: пожухлую и покрытую трещинками.

В такие дни Кейтлин особенно хотела нарисовать цвет – розовый, бледно-оранжевый, голубой. Цвет, которого не было в этом мире, который жил только в другом, существовавшем лишь в её голове.

Но были и другие сны. Просыпаясь, Кейтлин выныривала из зелёной, ещё тёплой морской воды.

Эти сны пахли вереском и лошадиным потом, а может быть – чем-то ещё. И тогда с самого утра тело наполняла жизнь – как отголосок той, настоящей жизни, которую Кейтлин видела во сне. В такие дни она ехала в Дувр, бродила по отвесным скалам и смотрела на волны. И хотя у неё не было по ту сторону пролива ни знакомых, ни друзей, Кейтлин

казалось, что она ждёт вестей из-за горизонта – и вести обязательно придут. С почтовыми птицами, а может – с белокрылым кораблём. Она ощущала себя изгнанницей в чужой земле, но в эти краткие мгновения ей казалось, что там, за горизонтом, её дом. И, может быть, когда-нибудь она увидит этот дом опять.

Ледяная вода стекала по волосам и узким лопаткам. Кейтлин приникла плечом к покрытой кафелем стене и замерла, надеясь, что наваждение, накрывшее её во сне, вот-вот пройдёт. Закрыла глаза и тут же почувствовала, как со всех сторон подкрадываются липкие щупальца кошмара.

Качнула головой и шагнула к зеркалу, на ходу выключая душ. Спутанные тёмно-русые пряди сосульками повисли на плечах. Джек будет ругаться – наверняка. Скажет, что она простудится и что-нибудь ещё.

Кейтлин завернулась в полотенце – очень хотелось закутаться в него с головой. Не потому что холодно, а потому, что так теплей. Она справилась с этим несвоевременным приступом и вышла из ванной.

На кухне уже шкворчало масло.

– Овсянка или тосты? – Джек на неё не смотрел. Готовка поглощала его целиком.

Кейтлин подошла к соседу и, взяв в руки вскрытую коробку из-под овсянки, одним глазком заглянула внутрь.

– Тосты, – сказала она. Коробка была пуста.

– Угадала, – Джек подцепил лопаткой хрустящие хлебцы

и сбросил в тарелку – Кейтлин тут же поймала один и попыталась засунуть в рот. Обожглась и бросила назад.

– Ты помнишь, что обещала помочь Алистеру с плакатом? Кейтлин поморщилась.

Плакаты рисовать она не любила. Во-первых, в них не было ничего из того, что она нарисовала бы сама. Даже обложки к книгам и портреты на заказ приносили больше удовольствия, чем примитивные росчерки карандашом, которые просили сделать для колледжа. К тому же платили за плакаты отвратно, и если бы не Джек, который каким-то образом успел взять на себя роль её старшего брата – видимо, пока Кейтлин спала – Кейтлин не взялась бы за такую работу никогда.

– Может, лучше им стену расписать? – Кейтлин снова покусилась на тост и на сей раз смогла откусить малюсенький кусочек. Отложила тост и провела в воздухе рукой: – Колледж святого Марка! Наши корабли идут на восток!

– Почему на восток? – Джек подхватил сковородку, поднёс поближе к столу и бросил Кейтлин в тарелку ещё два тоста, а затем снова отвернулся, чтобы поставить её на огонь.

Кейтлин запнулась. Она не знала, почему на восток.

– Потому что на западе суша, – сказала она растерянно.

– А почему корабли?

Кейтлин окончательно стушевалась и замолкла.

Джек бросил на сковородку два куса хлеба и, взяв в руки полотенце, принялся вытирать испачканные в масле пальцы.

Он повернулся, прислонился бедром к столешнице и теперь в упор смотрел на Кейтлин.

– Не знаю, – Кейтлин пожала плечами и отвернулась к окну, чтобы только не смотреть на него.

С Джеком было хорошо. Их соседство оказалось, пожалуй, самым уютным из всех возможных соседств. Джек не требовал оплаты за жильё, если у Кейтлин не было денег, кормил её завтраками за свой счёт – и вообще относился скорее как к родственнице, чем как к жильцу.

Но иногда Кейтлин всё-таки не хватало одиночества.

– Тебе опять что-то снилось?

Голос Джека прозвучал словно бы издалека, и Кейтлин не услышала бы его, если бы жёсткие пальцы не легли на её обнажённое плечо.

Кейтлин дёрнулась. Она не любила прикосновений – даже таких. Или, вернее, особенно таких. Могла выносить их в метро или в автобусе, но когда кто-то касался её кожа к коже, нарочно, пытаясь проникнуть в самую суть, Кейтлин казалось, что чужие пальцы безжалостно потрошат душу, заходят туда, куда не должны заходить.

– Может быть, – сказала она, сбросила руку с плеча и поднялась. Так и не съеденные гренки остались лежать на столе. – Тебе звонил Август, – бросила она, не оборачиваясь. Кейтлин спиной чувствовала, что Джек смотрит на неё, дожидаясь ответа, но ей было всё равно. Она скинула полотенце и, подхватив с пола вчерашние джинсы, принялась натя-

гивать на влажное тело. – Сказал, что вечером зайдёт.

– Хорошо.

Джек не отворачивался. Его взгляд щекотал спину между лопаток, пока Кейтлин натягивала майку и одёргивала её. Всё так же, не оглядываясь, девушка подобрала сумку с красками и перекинула через плечо ремень от этюдника. Наверняка Джек поймёт, что она не собирается в колледж и не будет рисовать никакой плакат, но и это ей было безразлично – Кейтлин просто хотела уйти отсюда. Остаться в одиночестве. Может быть, наедине со свинцово-серым морем. Сегодня она хотела рисовать его.

Джек лишь вздохнул, когда за спиной у Кейтлин захлопнулась дверь, и, подхватив с тарелки гренку, принялся размеренно жевать.

Кейтлин вышла из дома и, ещё раз поправив этюдник, медленно побрела вдоль набережной. Далеко на западе в сизом рассветном тумане виднелись контуры аббатства, которое так любил изображать на картинах Моне. Кейтлин тоже любила его контуры – мрачные, тяжёлые, расплывчатые в этом сизом мареве полусна. Но на востоке прятались места, которые она любила куда больше. И будь её воля, Кейтлин давно бы переехала жить на побережье – но даже она понимала, что там ей не продать картин. Придётся ездить в город на вернисаж и на подработки, приобрести машину... Кейтлин не любила машин. Она любила лошадей. Но, как прави-

ло, на лошадей удавалось только смотреть издалека.

Вдали взвизгнули шины, и Кейтлин подняла руку – час с небольшим не-одиначества, чтобы на остаток дня погрузиться в вечность сизого океана.

Машина взвизгнула тормозами и остановилась рядом. Кейтлин наклонилась к окошку и замерла, чувствуя, что сходит с ума. Оттуда, из полумрака салона, на неё смотрели те самые чёрные глаза.

Кейтлин зажмурилась, силясь вырваться из сна, который затягивал теперь и наяву, и неожиданно чётко, близко-близко слышала:

– Тебе куда?

Голос у водителя был бархатистый, и Кейтлин показалось на секунду, что она его уже слышала. Может быть там, во сне – но во снах не бывает звука, разве не так?

Кейтлин тряхнула головой, прогоняя наваждение. Водитель терпеливо ждал.

– В Дувр. Не в сам город...

– Садись.

От голоса незнакомца, мягкого и холодного одновременно, по позвоночнику пробежала дрожь.

– Можно... – Кейтлин облизнула губы. – Можно вперёд?

Водитель кивнул.

Кейтлин быстро залезла в машину и только оказавшись на пассажирском месте вздохнула с облегчением. Водитель завёл мотор, и несколько секунд Кейтлин смотрела сквозь

любовое стекло, стараясь не выдать себя.

– Любишь замки? – спросил незнакомец и Кейтлин вздрогнула. Обычно она не реагировала на людей так. Обычно ей было всё равно.

– Люблю их рисовать, – сказала она и чуть улыбнулась. Пользуясь случаем, Кейтлин повернулась и принялась внимательно разглядывать того, кто сидел рядом.

У водителя было правильное лицо с чуть удлинённым носом и едва заметно опущенными уголками губ. Глаза обрамляли ресницы – слишком чёрные для мужчины, но безупречно подходившие к его чёрным волосам, собранным в низкий хвост.

«Цыганская кровь», – подумала Кейтлин, хотя на цыгана мужчина походил мало – слишком бледная кожа и тонкие черты.

Незнакомец молчал, и Кейтлин вдруг показалось, что она упускает что-то важное. Может быть, время, которое можно использовать с толком.

– Ты, наверное, занят сегодня? – спросила она.

Мужчина не ответил, и Кейтлин тут же пожалела, что задала вопрос. Среди её знакомых к внезапным знакомствам относились легко, но этот человек мог оказаться другим. Он мог понять всё неправильно, и всё же Кейтлин безумно, до боли не хотелось его отпускать.

– А ты любишь замки? – снова попыталась она завязать разговор.

Мужчина долго молчал. Машина выехала за черту города, и Кейтлин принялась подбирать следующий вопрос, когда тормоза взвизгнули, и она услышала:

– Терпеть не могу.

Кейтлин словно очнулась ото сна. Только теперь она обнаружила, что стены Дуврского замка уже виднеются далеко впереди, будто вырастая из белоснежного тумана.

– Доберёшься сама?

Кейтлин кивнула, но выходить не спешила, судорожно пытаясь отыскать ещё хоть одну зацепку.

– Я буду его рисовать, – сказала она, кивнув на гранитные глыбы, высившиеся вдали.

Мужчина молчал.

– Хочешь, подарю тебе?

Чутким глазом художника Кейтлин уловила, как белеют костяшки пальцев на обтянутом кожей ободе руля.

– Выходи!

Кейтлин вздрогнула. Что-то было в голосе незнакомца, что заставило подчиниться, не раздумывая – и в следующую секунду Кейтлин стояла на пустой дороге, а машина – только теперь Кейтлин заметила, что это был Крайслер – медленно исчезала вдали.

Глава 2

Снова утро – серое, как и каждое утро до него. Как каждое, которое придёт следом за ним.

Кейтлин открыла глаза и равнодушно уставилась в потолок. Побелка облупилась кое-где и разбежалась тонкими трещинками, образуя паутинку, похожую на... на что?

Вспомнить она не могла. Как не могла вспомнить и сон, который видела только что.

Кейтлин улыбнулась. При воспоминании о том мире, откуда она вынырнула минуту назад, по сердцу разливалось тепло – хоть она и не могла ничего вспомнить. Ни одной детали. И всё же это должен был быть хороший день.

Джек жарил тосты.

Кейтлин натянула джинсы и, застегнув пуговицу, потрясла ногами, заставляя их войти глубже в жёсткие после стирки штанины.

Взяла со стола коробку от овсянки и заглянула внутрь – просто так, машинально. Внутри ничего не было.

– Ты сегодня pomoжешь Алистеру с плакатом?

Кейтлин закрыла глаза. Не поднимая век, нащупала спинку стула и, упав на него, откинулась назад.

– Хочется верить, что это значит «да».

Кейтлин открыла глаза и уставилась на чашку кофе, которая выросла перед ней из ниоткуда. Чашка была прозрачной,

с лёгким коричневым оттенком.

«Интересно, это тонировка... или просто грязь?» – подумала она.

Кейтлин взяла в руки ложку и чуть взболтала тёмную, почти чёрную жидкость.

«А у него волосы темней...»

– Кейтлин! Ты меня слушаешь?

Кейтлин медленно перевела взгляд с взбаламученной жидкости на Джека. В глазах соседа стояло раздражение – но пока не злость. «Интересно, – подумала Кейтлин, – в его глазах вообще бывает злость?»

– Не кричи, – тихо попросила она.

Джек вздохнул. Рука его потянулась, чтобы погладить Кейтлин по волосам, но тут же опала.

Кейтлин знала, что Джеку нравятся её волосы. Он любил теревить их, перебирать. И оба они знали, что Кейтлин не любит, когда касаются её волос. Только если вечером, когда она возвращалась с прогулки уставшая и замерзшая. В такие дни Джек отпаивал её горячим ромом со специями. Кейтлин, расслабленная, засыпала, привалившись к его плечу, и он запускал пальцы в её длинные волосы, медленно прочёсывал их, иногда касаясь кончиками ногтей затылка.

Кейтлин чувствовала, что с ней делают, но с неё будто бы спадал кокон, в котором она пребывала весь день. Кожа становилась чувствительной, точно воспалённой, и сопротивляться не было сил – по крайней мере, так она себе говорила.

– Когда займёмся блоготом? – спросил Джек, видимо осознав, что ответа – да и самого плаката – так и не дожждётся.

Блог был второй из его любимых тем. Джек считал, что Кейтлин рисует хорошо.

Кейтлин подозревала даже, что это одна из причин, по которым ей прощаются задолженности за квартплату и полное равнодушие почти ко всему, что Джек говорит.

Но поскольку Джек считал, что Кейтлин рисует хорошо, он был уверен ещё и в том, что работы Кейтлин и продаваться будут хорошо.

Кейтлин не спорила. Она знала, что хорошо продаются цветы. Букеты на столе и натюрморты, которые можно подарить тётушке на день рождения или любовнице в любой другой день. Хорошо продаётся лаванда, равнины, усеянные сиреневыми венчиками, сливающиеся с синим небом где-то вдали. Хорошо продаётся Италия, Венеция, Рим, Прованские пейзажи и детки с пухлыми щёчками, нюхающие цветы.

Букеты Кейтлин рисовать не могла. Она могла ещё заставить себя рисовать лаванду – но не могла рисовать её из раза в раз, как делали некоторые, кто стоял на вернисаже рядом.

Кейтлин не сказала бы, что не любит Рим. Но Рима она никогда не видела, и этот город был для неё мёртв. Он был лишь красками на картине, которым она смогла бы придать смысл.

Хуже дело обстояло с Провансом – Прованс, вместе с пухленькими детьми, вызывал у Кейтлин ломоту в зубах. Кейт-

лин не сказала бы, что не любит детей, просто... Просто стоило ей взяться за кисть, нарисовать хоть одну пухлую щёчку, хоть один силуэт сиреневого цветка, как в голове проплывал вопрос: «Зачем?»

Что ей даст этот ребёнок? Эти цветы?

Две сотни фунтов, на которые она месяц сможет жить? Раз в месяц она вполне могла заставить себя сделать усилие и нарисовать «не своё», но чаще – об этом Джеку было бесполезно с ней говорить.

То же касалось и блога, где, как убеждал её Джек, она могла бы устроить свой собственный вернисаж, не выходя из дома.

Кейтлин не сказала бы, что она не любит Интернет. Просто пускать Интернет туда, в мир своих снов... Было в этом что-то кощунственное. Заниматься некрасивым словом «промоушен», выставлять цену под каждой картиной из своих снов – будто вешать ярлык: «Я продам себя за пятьсот фунтов. Но если очень нужно, скину до двухсот».

Нет, она могла нарисовать даже Прованс, но лишь затем, чтобы иметь двадцать фунтов на краски, которыми будет рисовать свой собственный мир.

А ещё Кейтлин любила вернисаж. Ей нравились люди, идущие мимо её картин, будто и не замечавшие её самой. Сгорбленные силуэты на фоне серого стекла реки. У каждого своё лицо – и постоянное ожидание, что среди разных – морщинистых, скуластых, слишком худых и, напротив, отёк-

ших лиц, однажды Кейтлин увидит Его.

Это было глупо. Кейтлин готова была сама посмеяться над собой. А иногда ей попросту казалось, что она сходит с ума. Но заставить себя не верить – она не могла.

Если бы здесь были родители, мать погладила бы её по голове и вздохнула тяжело, а отец сказал бы, что она слишком далеко забралась в свои сны. Но здесь был только Джек – и это было хорошо. Потому что ему Кейтлин не собиралась отвечать. Это было легко.

Кейтлин поднялась со стула – так и не дождавшись гренок, шкварчавших на сковороде. Подошла к кровати и подобрала с пола майку.

– Кейтлин, у тебя деньги есть?

– Немного, – на сей раз всё-таки нужно было что-то сказать. – А что?

– Купи овсянки, пожалуйста.

Кейтлин, не оглядываясь, кивнула.

– И сама что-нибудь поешь.

Ещё один кивок.

Кейтлин натянула майку, перекинула через плечо этюдник, подхватила под мышку стопку картин и вышла на набережную.

Вернисаж находился недалеко, и она медленно брела, наслаждаясь влажным утренним воздухом и вглядываясь в туман. Кейтлин любила это время суток – когда всё вокруг дышало полусном, и там, за контурами хлопьев тумана, повис-

ших над рекой, она могла угадывать всё, что хотела, и всё, во что верила. Чудесная Фата Моргана плыла над горизонтом, сотканная из ключьев тумана, и Кейтлин чувствовала, как через несколько минут раскроет этюдник, пристроится у парапета, расставит картины на асфальте и примется рисовать.

– А это что? – голос у девушки был скрипучий, но Кейтлин улыбнулась и подняла на неё взгляд. Затем проследила направление, куда указывал её палец, и только потом произнесла:

– Это Эйлен Донан.

– Что? – девушка нахмурила рыжеватые брови. Она походила на американку, но это как раз Кейтлин не удивило – её картины привлекали иностранцев чаще, чем англичан.

– Замок на небольшом скалистом острове Донан, лежащем во фьорде Лох-Дуйх. В восьмом веке там обитал монах отшельник, именем которого и...

Девушка вопросительно посмотрела на сопровождавшего её мужчину и Кейтлин замолкла.

Мужчина пожал плечами.

– Зачем тебе? – спросил он. – Никто не знает, где это. Вот... – ткнул пальцами в другую картину. – Это, по крайней мере, Дувр.

Кейтлин молчала.

Она могла бы сказать, что Эйлен Донан знали в своё вре-

мя не меньше людей, чем Дувр. Что более пяти фильмов, известных по всему миру, снимались именно там. Но Кейтлин молчала, потому что попросту не хотела ничего говорить. Она любила не тот Эйлен Донан, который показывали в кино, а тот, который увидела сама, плывущий в утренней дымке, растущий из облаков.

– А сколько стоит? – протянула девушка, переключая внимание на Дувр.

– Пятьсот.

– Пятьсот... – мужчина присвистнул, а девушка заискивающе улыбнулась.

Кейтлин вздохнула.

– Можно сбросить до четырёхсот.

Торговаться она тоже не любила. Это было тяжело. Даже одно это слово – пятьсот – давалось с трудом. Как будто она ставила у себя на лбу клеймо. Но Джек просил купить овсянку. И Джек не мог каждый день её кормить.

– А что за краски?

– Эйлен Донан – масло, Дувр – пастель.

Мужчина фыркнул, и Кейтлин поджала губы. Она любила пастель. Но её, почему-то, не любил никто, кроме неё. И она могла бы начать говорить, что пастель существует уже две сотни лет и что... Она не хотела говорить ничего.

– Да ну... Дувр я не хочу, – капризно протянула девчонка.

– Тогда пошли, – мужчина дёрнул её за руку.

– Могу...

«Могу нарисовать портрет», – хотела было сказать Кейтлин, но замолкла на полуслове, когда взгляд её случайно упал на тёмный проулок, где, приклеившись к стене, едва виднелся знакомый силуэт.

«Знакомый?» Кейтлин не знала, откуда он мог быть ей знаком. Девчонка и её спутник спрашивали что-то ещё, но Кейтлин не слышала. Она поднялась с раскладного стула и молча прошла мимо – силуэт не двигался какое-то время, пока Кейтлин не приблизилась, а затем отклеился от стены и стремительно двинулся прочь.

– Подожди! – крикнула Кейтлин ему вслед. – Стой!

Незнакомец и не думал останавливаться.

– Да стой же! Кто ты такой?!

Незнакомец бросился прочь бегом, и Кейтлин тоже перешла на бег. Дома мелькали по обе стороны, но Кейтлин ничего не видела, она неслась вперёд, и холодный утренний воздух хлестал её по щекам, пока наконец, решившись, Кейтлин не перешла в бросок. Она почти повисла у мужчины на плечах, оба покачнулись, и только в последнее мгновение незнакомец приник к стене, чтобы не рухнуть на землю. Кейтлин коротко вскрикнула – тяжелое тело придавило ей запястье, вывернуло вбок.

– Что? – услышала она тут же, и от бархатистого голоса по спине побежали мурашки.

Сильные пальцы перехватили руку и подняли вверх, поднесли к глазам.

– Кто ты такой? – от боли голос Кейтлин звучал обиженно, хотя обиды не было – она просто хотела получить ответ.

– Больно? – незнакомец надавил куда-то под кость, и Кейтлин с трудом сдержала тихое «Ой».

– Всё хорошо! Кто ты такой?! – она вырвала руку и попыталась перехватить незнакомца за его собственное запястье, так чтобы можно было прижать к стене спиной и не дать сбежать. Они были почти одного роста и одинаково узкими в плечах, но всё же незнакомец казался немножко старше – и крупней.

Теперь Кейтлин была уверена, что уже видела его лицо – три дня назад, когда ездила в Дувр.

– Это же ты! – выдохнула она.

Незнакомец легко высвободил руку – Кейтлин почти не сомневалась, что удержала бы его, если бы не запястье, которое тут же отозвалось болью.

Мужчина выскользнул в сторону, легко освободился из-под веса её тела, и двинулся прочь. А Кейтлин так и осталась стоять. Ей овладело странное оцепенение. Чувство обречённости – как будто всё, что происходило с ней сейчас, уже случилось давным-давно.

Глава 3

– Не забываем про воздушную перспективу.

Кейтлин равнодушно смотрела на то, как Дэвид Рейзон ходит от мольберта к мольберту и поправляет ошибки учеников.

Она хотела попасть на этот мастер-класс давно. Действительно хотела и, может, за этим даже приехала в Лондон – но теперь, когда видела работу кумира вот так вблизи, ей становилось всё равно.

Дэвид Рейзон был ремесленником. Каждое движение его руки над холстом – своим или чужим – развеивало магию воздуха, магию воды и солнечного света. Картина для него была лишь набором красок, который он привык продавать. И он учил рисовать на продажу ещё два десятка учеников.

Он легко выправлял ошибки, их Рейзон видел действительно профессионально – впрочем, в отсутствии профессионализма Кейтлин и не смогла бы его упрекнуть.

Дэвид остановился около неё, внимательно разглядывая холст.

– Хорошо. Довольно хорошо.

– Спасибо, – Кейтлин не прекращала рисовать.

Дэвид Рейзон был маринист. И хотя Кейтлин море интересовало лишь как часть её собственного мира, оно всё-таки входило в этот мир, а потому Рейзон знал об этом мире

немножко больше её самой.

– Почему ты не размываешь края?

Кейтлин отвлеклась от картины и на секунду посмотрела на него.

– Воздушная перспектива. Твой замок – он как будто вырастает из воздуха, выпадает из плоскости. Но так не может быть.

Кейтлин снова посмотрела на холст и замерла в полуулыбке. Она видела, о чём говорит Рейзон, очень хорошо. Края дальних предметов всегда менее чёткие, чем те, что находятся ближе. Особенно это заметно, когда смотришь на морскую даль или утреннюю дымку, застилающую горизонт. Её Даннотар нарушал законы перспективы. Дымка затягивала подножие утёса, на котором теперь стояли руины последней башни, а сам замок был необычайно чётким. Впрочем, Даннотар, который рисовала Кейтлин, вообще мало походил на тот, что увидел бы случайный турист, которого забыли предупредить, что от замка почти ничего не осталось.

– Но он такой.

– У тебя есть фото?

Кейтлин покачала головой.

– Я просто помню, что он такой.

Рейзен вздохнул и, выпрямившись, громко произнёс.

– Внимание. Вот ещё одна типичная ошибка – рисование по памяти. Память часто обманывает. Нам кажется, что мы помним предмет, объект. Но на деле это не так. Вряд ли кто-

то похвастается тем, что запомнил все переливы цвета, игру светотени, что в памяти его всплывает один конкретный момент, а не тысяча видов одного и того же объекта.

Кейтлин закрыла глаза. Она видела Даннотар абсолютно чётко. Волны бились о каменную глыбу утёса, и вереница конников неслась к откидному мосту, а над башнями – не над той, что осталась, а над другими, исчезнувшими давным-давно, трепетал белый флаг с синим крестом.

Кейтлин открыла глаза.

«Интересно, – подумала она, – как объяснить, что я уже не могу посмотреть? Что нет ни фото, ни природы, с которой я могла бы рисовать. Есть только... Он. Образ в моей голове».

– У тебя яркое воображение, – услышала она голос Рейзена совсем рядом с ухом и вздрогнула. Покраснела, поняв, что какую-то часть мысли, видимо, произнесла вслух. – Но воображением нельзя заменить технику и композицию. Образ может быть у тебя в голове. Но ты не сможешь перенести его на холст, если будешь игнорировать законы, выведенные давным-давно.

– Я не пытаюсь игнорировать законы, – Кейтлин продолжала разглядывать холст. – Я никогда не была бунтарём. Ну, может быть, почти никогда.

Рейзен улыбнулся краешком губ.

– Я не говорю, что не нужно бунтовать – совсем никогда. Но чтобы рисовать то, что существует только в твоей голове, нужно научиться рисовать то, что видят все.

– И лаванду, – Кейтлин произнесла это машинально, но на губах Рейзена заиграла усмешка, как будто он понял шутку.

– И лаванду, – подтвердил он. – Потому что хорошими красками рисовать легко.

Кейтлин опустила кисть и замерла, разглядывая пейзаж. Рейзен продолжал стоять рядом.

– А всё-таки он был таким, – сказала Кейтлин без упорства, но тоном, не допускавшим возражений. – Даннотар. Непрístupная крепость, удерживавшая викингов пять веков. И павшая... Павшая, когда...

Кейтлин не знала когда. Просто видела так же отчётливо, как совсем недавно – вереницу всадников, несущихся вперёд – как осадные орудия вгрызаются в каменные стены, пробивая насквозь бреши.

– Я просто хочу увидеть его ещё раз, – она закрыла глаза, зажмурилась, пытаясь остановить невольно подступившие к глазам слёзы. Это было глупо. Не сейчас и не здесь, опозориться так перед человеком, которого она уважала за мастерство и за него же презирала.

Тёплая рука легла Кейтлин на затылок. Мягко провела по волосам. Неприятно не было.

– Если хочешь... Можем позаниматься индивидуально. Я не буду требовать того же, что и ото всех. Разберёмся, что именно не так.

Кейтлин открыла глаза, и на губах её блеснула злая усмешка. Рейзен, безусловно, не упускал возможности подзарабо-

тать.

– Сколько это будет стоить? – спросила она холодно, но стараясь остаться в рамках вежливости.

– Договоримся, – Рейзен тоже сменил тон.

– Благодарю. Я подумаю.

Кейтлин отвернулась и уставилась на холст, пытаясь восстановить тот контакт с собственным сном, который был ещё минуту назад, а теперь прервался, звякнув струной.

«Всадники, – напомнила она себе. – Да... пожалуй, не хватает их...»

Кейтлин не помнила, когда точно это началось.

Сидя в пабе за пару кварталов от Пикадилли, где она только что договаривалась о месте на выходные, она потягивала пиво из большого стеклянного стакана, равнодушно смотрела на футболистов, мечущихся по экрану над стойкой, и пыталась вспомнить. Сложить все осколки в один стакан.

Она точно помнила, что когда ей было шесть, она была ещё обычным ребёнком и куда больше интересовалась новыми моделями игрушек, чем возможностью нарисовать замок, которого нет.

Когда ей было семь, они ещё гоняли мяч с МакДоналом, и ей, кажется, было хорошо и легко, а потом... Потом мать повезла её в небольшое путешествие по Шотландии, и она впервые увидела замок Трив.

Трив – это было не то. Совсем не то. Кейтлин буквально

чувствовала скользившую в каждом камне фальшь, и ей хотелось кричать, что должно быть не так – совсем не так. Что именно не так – она объяснить не могла. Но именно в том году она увидела свой первый сон.

Сон был коротким, и тогда уже это были кони, галопом несущиеся на неё. Она видела, как люди, которые казались знакомыми, тут и там оседали на землю, срубленные ударами меча, а она стояла и смотрела широко раскрытыми глазами – не в силах сделать ничего.

Наутро Кейтлин рассказала матери про сон. Та потрепала её по волосам и сказала больше не смотреть на ночь такое страшное кино.

Кейтлин было уже восемь, и она не боялась ни вампиров, ни пришельцев. Тем более не боялась викингов с неестественно яркими клинками в руках.

Больше она матери ничего не говорила. Зато с наступлением сентября, когда всерьёз зарядили дожди, попросила купить несколько книг – к удивлению родителей не про принцесс и лошадей, а про английские замки. Мать обрадовалась, и книги через пару недель уже были у Кейтлин, но чем больше Кейтлин читала, чем больше рассматривала картинки и смотрела кино, тем яснее понимала – не то. Всё было не так. Иногда хотелось даже подправить фальшиво-гладкие строчки, выверенные историками за сотни лет, и когда в шестом классе на уроке средневековой истории она сказала об этом, её оставили после занятий и лишних два часа заставляли

зубрить имена, про которые по-прежнему хотелось кричать: «Не то!».

Больше Кейтлин не говорила на уроках ничего. Если спрашивали, она честно отвечала то куцее количество фактов, которое давалось в учебнике – заучить их было довольно легко. И сама, пряча под партой книги, продолжала читать другую историю – поверить в которую было немножко легче.

Сны не становились чаще. Напротив, иногда они исчезали, и какое-то время Кейтлин жила только книгами, общалась со сверстниками и снова начинала играть в футбол – Кейтлин большую часть времени проводила с мальчишками, и проблем с одноклассниками у неё не было никогда, хотя некоторые и считали её чудачкой. Кейтлин тоже их не любила и однажды за «чудачку» врезала крупному и широкоплечему веснушчатому МакФлою так, что в кровь разбила ему нос. Был большой скандал, но МакФлой больше ничего у неё не спрашивал. А сама Кейтлин не отвечала.

Идея с живописью пришла ей в голову, когда Кейтлин было четырнадцать. Она тогда поехала с родителями в очередное турне по замкам Шотландии – третье за всю её жизнь. В тот же год Кейтлин подарили фотоаппарат, и она, не переставая, фотографировала всё – замки, горы, леса и пустоши. Но когда достала из конверта Kodak проявленные фотографии и стала просматривать одну за другой, то пришла в ярость. Всё это было не то.

Может быть, она фотографировала не очень хорошо.

Кейтлин вполне это допускала. Фото у неё получались плоскими и тусклыми. В них не было той жизни, которую она видела в голове. И тогда она стала рисовать.

Рисовала Кейтлин и раньше – на полях тетрадей и в блокнотах, куда записывала домашнее задание, но теперь она стала рисовать всерьёз. А когда в восемнадцать встал вопрос о том, куда она хочет поступать – Кейтлин ответила абсолютно твёрдо: «Я хочу рисовать».

Большой скандал закончился покупкой билета на автобус и самовольным отъездом в Лондон, где какое-то время Кейтлин ночевала под мостом. Потом, как и пророчили родители, зарабатывала официанткой в пивной и подметала двор американского посольства, чтобы через два месяца встретить Джека, с которым она и жила четвёртый год.

Кейтлин радовалась, что ушла. Радовалась, потому что ей не надо было смотреть родителям в глаза, когда она впервые увидела свой настоящий сон. В том сне мужские руки путешествовали по её телу, скользили по бёдрам и даже проникали внутрь – и Кейтлин было хорошо.

Она тогда уже жила с Джеком, который был на два года старше её, знала, зачем мальчикам нужны девочки, но никогда не задумывалась о том, что могла бы делать это сама.

Пару дней она косилась на Джека, пытаясь понять, могли ей сниться он – как-никак просторный, но напрочь лишённый перегородок лофт, где они видят друг друга каждый вечер почти что голышом. Долгое отсутствие секса, потому

что мальчики выбирают девочек поярче и подоступней, а на нищих художниц предпочитают смотреть издалека. Кейтлин представила себя в постели с Джеком но мгновенно поняла, что это – абсолютно «не то». Но через пару недель всё-таки призналась ему во всём – время она выбрала удачное, насколько могла, разговор был начат вечером, за овсянкой, которую они ели два, а то и три раза в день, и та мгновенно встала у Джека в горле комом.

– Что? – переспросил он.

– Ничего, – Кейтлин покраснела и отвернулась.

Больше они об этом не говорили, но через некоторое время Джек познакомил её со своей девушкой и стал частенько приглашать ту домой, а сама Кейтлин всё больше времени стала проводить, гуляя по берегу и пытаясь разглядеть в сизой дымке горизонта что-то из того, что видела во сне.

– Свободно? – Кейтлин с трудом выбралась из марева воспоминаний. Только теперь она поняла, что давно покручивает почти пустой бокал в руке. Подняла взгляд и увидела крупного парня с розовыми щеками и веснушками, расплывшимися от переносицы к скулам.

Кейтлин приходила сюда, потому что здесь всем было безразлично кто она. Она не вписывалась в компанию здоровых розовощёких мужиков, которые приходили в паб смотреть футбол, и они не проявляли особого интереса к тусклой девушке, сидевшей в углу. Но этот, похоже, был не таков – то

есть, скорее всего, он тоже пришёл смотреть футбол. Но вот от Кейтлин явно что-то хотел.

Кейтлин подняла взгляд и оглядела полупустой зал, в котором и без её столика было множество свободных мест.

– Свободно, – сказала она, – я уже ухожу.

Поставила стакан на стол и, положив рядом несколько мелких купюр, поднялась со скамьи.

Рука мужчины легла на её запястье.

Кейтлин, повернувшись было к двери, через плечо бросила на него короткий, полный невольного презрения взгляд.

– Пусти.

– Не уходи. Я же просто...

Кейтлин круговым движением вывернула руку, заставив мужчину вскрикнуть от боли в перекошенном суставе, и, оказавшись на свободе, стремительно прошла к выходу.

На улице стемнело. Паб выходил в небольшой проулок, который в паре десятке метров от круглой двери пристыковывался к широкой улице.

На секунду Кейтлин замерла, вдыхая холодный воздух, и тут же пожалела об этом, когда сильные руки схватили её за плечи.

– Да стой же ты! Я просто хотел...

Кейтлин ничего сделать не успела. Мужчина коротко вскрикнул и повалился на землю, а когда Кейтлин развернулась, чтобы понять, что произошло, то увидела прямо перед собой знакомое лицо в обрамлении копны чёрных волос –

теперь они были распущены, а вместо давешнего твидового пальто на мужчине была байкерская куртка, расстёгнутая на груди.

– Всё хорошо? – ровно спросил он.

Кейтлин замешкалась, подбирая такой ответ, чтобы не оборвать разговор. В голову закралась предательская мысль изобразить деву в беде, но тут же исчезла – это было ниже её достоинства.

– Вижу, что хорошо, – ответил мужчина сам себе и отвернулся было, чтобы уйти. В последнюю секунду Кейтлин перехватила его за локоть, заставляя остаться на месте.

– Я не буду спрашивать, кто ты такой, – сказала она.

Мужчина замер. Обернулся. В глазах его появилась растерянность, словно он разрывался между желанием остаться и желанием уйти.

Кейтлин молчала, не зная, что ещё сказать, и внезапно мужчина повернулся к ней лицом.

– Я подвезу тебя домой, – произнёс он.

Кейтлин улыбнулась одним краешком рта.

– Пойдём. Я люблю ходить пешком.

И снова секундная растерянность в глазах, от которой на сердце почему-то стало тепло. Кейтлин была почти уверена, что в этих глазах не так часто можно увидеть признаки слабости, но она точно их уже видела – и это было настоящее. Более живое, чем сухие строчки учебников и фотографии старых камней.

– Пошли, проводишь меня.

– До самого Ист Энда? – мужчина поднял бровь.

– Ну да. Здесь немногим больше часа пешком.

Незнакомец усмехнулся.

– Пойдём.

Больше не говоря друг другу ни слова они вышли на людную улицу,. Кейтлин лишь слегка касалась незнакомца плечом, но от этого малюсенького прикосновения по телу разливалось тепло. Не было того чувства, которое Кейтлин испытывала всякий раз, если её касался чужой. Молчание, повисшее между ними, действовало успокаивающе.

– Как тебя зовут? – спросила Кейтлин, когда они уже двигались вдоль реки.

– Ты сказала, что не будешь ни о чём спрашивать, – напомнил тот.

– Перестань, – Кейтлин резко шагнула вперёд и, развернувшись, остановилась, перекрывая таким образом дорогу спутнику. – Я же не спрашиваю твою фамилию или где ты живёшь.

Мужчина какое-то время молчал.

– Грег, – наконец сказал он.

– Грег, – повторила Кейтлин, пробуя имя на вкус. Было похоже, но всё равно немножко «не то». – Грегори? – когда она произнесла имя вслух, рассыпая по каждой клеточке искры мурашек по телу пронеслась волна пламени,.

– Грег! – резко отрезал тот.

В глазах его сверкнул огонь, который, Кейтлин была уверена, она тоже видела множество раз.

– Хорошо, – послушно подтвердила она и тут же обнаружила, что уголки её собственных губ ползут вверх.

– Что смешного? – произнёс мужчина резко.

– Ничего, – Кейтлин попыталась подавить улыбку, но та стала только шире. Она покачала головой и поспешно отвернулась к реке, сию же минуту спрятав её в темноте.

– Что? – рука Грегга накрыла её руку, пальцы до боли сжали локоть, заставляя повернуться и посмотреть на него. Обида поднялась внутри, но страха не было. Секунду они смотрели друг на друга, а потом Грегг медленно убрал руку. – Прости.

– Ничего, – Кейтлин улыбнулась, но теперь в её улыбке не было прежней искренней радости. Она отвернулась к реке и попыталась успокоиться.

Грегг замер рядом, чуть касаясь её плеча своим.

– Красиво здесь, – произнёс он.

Кейтлин покачала головой. По другую сторону реки разгорались огни ночного города, кое-где виднелись рекламные щиты, и она знала, что многие в самом деле считают это красивым, даже рисуют – но только не она.

– Город – как уродливый нарост, – сказала она зло.

Грегг приподнял бровь, но Кейтлин не заметила этого, потому что не смотрела на спутника.

– Ты предпочитаешь деревню? Не видел, чтобы ты рисо-

вала село.

Он тут же замолк, а Кейтлин резко развернулась и наградила его торжествующей улыбкой.

– Ты знаешь, что я люблю рисовать.

Грег на секунду упрямо поджал губы.

– Ты сама сказала. Замки. И скалы.

– Про скалы я ничего не говорила.

Кейтлин секунду смотрела на него, но видя, что в глазах Грега замерло непробиваемое упрямство, протянула руку и примирительно коснулась его щеки кончиками пальцев. Щека у Грега была колючая, видимо, тот не брился с самого утра, а может и со вчерашнего дня. Но в ту секунду эти коротенькие иголки щетины показались Кейтлин самым настоящим, что только могло быть. Она зажмурилась, погружаясь в это ощущение с головой – первое настоящее ощущение за всю её жизнь, целиком и ещё на маленький кусочек состоящую из снов. Руку не хотелось убирать, но поверх кисти легла тёплая шершавая ладонь и чуть отвела её в сторону.

– Не надо, – сказал Грег. Без прежней резкости, почти просительно.

– Не буду, – машинально согласилась Кейтлин.

Она не была бунтарём, но и такого желания соглашаться со всем, что только будет ей сказано, до сих пор не замечала за собой никогда.

– Идём домой.

Кейтлин коротко кивнула. По коже мягким мехом про-

шлось это «домой», но вслух она ничего не сказала.

Они двинулись вниз по течению реки и на какое-то время замолкли. И только когда до лофта оставалось совсем немного, Грег поймал её за плечо и, остановив, заставил повернуться к себе лицом.

– Я не хочу, чтобы ты ходила в этот паб, – сказал он жёстко.

По спине Кейтлин пробежала волна мурашек, и по телу разлился огонь. Кейтлин закусила губу, заставляя себя успокоиться, и, чуть улыбнувшись, шагнула вперёд.

– Хорошо. Если ты покажешь мне другой.

– Исключено.

Грег отвернулся и, не прощаясь, двинулся прочь.

Глава 4

Вернисаж, мастер-классы и недолгие поездки в Дувр составляли всю её жизнь.

Вернисажей было три – по выходным она выставяла картины на Пикадилли, в понедельник и вторник – на южном побережье Темзы, в четверг и пятницу выезжала в центр, где рисовала портреты туристок за пятьдесят фунтов штука. Оставшийся – седьмой день – занимал Дувр.

Когда-то, когда Кейтлин только приехала в Лондон, ей казалось, всё, о чём она мечтает – это рисовать. Переносить на холст образы, которые роились в её голове: будь то сны или нечто иное.

Теперь, с наступлением осени, ей всё чаще казалось, что она хотела другого. Дорога из Вест Энда до Пикадилли, а затем полтора часа обратного пути – сорок минут, если ехать на метро – были огромной, тяжёлой рамой для слишком маленькой картины, которую она едва успевала нарисовать за день. Да и картина эта оставалась плоской, как ни старалась Кейтлин насытить её красками, и чем дольше она думала о причинах, тем больше понимала, что Рейзон, пожалуй, прав.

Ей не хватало возможности увидеть свои иллюзии глазами, коснуться рукой древних шершавых камней.

Раньше, до того как Кейтлин приехала в Лондон, они с семьёй почти каждый год ездили в небольшие турне— и зам-

ки жили в ней, дышали, просились наружу.

Теперь, в Лондоне, сны потускнели, стали повторяться – и с каждым разом становились прозрачней, будто ускользали.

Зато теперь она всё чаще видела новый сон. Кейтлин не знала, можно ли отнести его к числу тех, что она видела прежде – ведь раньше ей тоже снился мужчина. Снились сильные руки, гулявшие по её телу, снились колдовские глаза, горевшие в темноте.

Теперь мужчина обрёл лицо.

Кейтлин видела его ясно, как наяву. Грег приходил к ней едва ли не раз в неделю, его руки были грубыми, но никогда не причиняли боли – только заставляли волны жара носиться по телу. Он входил в Кейтлин, и Кейтлин чувствовала его от и до, целиком, хотя никогда не касалась наяву.

Вся она была в этих снах как натянутая струна. Физическое, почти нестерпимое наслаждение, перетекало в пронзительную боль обречённости, которую Кейтлин наутро не могла осознать.

Она знала одно – Грег становился её наваждением, таким же, как прежде были замки, видимые ей одной. Грег вытеснял их из снов Кейтлин как завоеватель, чужой на этой земле – и в то же время родной.

Наяву же Кейтлин почти не видела его. Приходилось довольствоваться видениями, такими же короткими и эфемерными, как и сны – то мелькала в просвете домов чёрная тень, и Кейтлин казалось, что это Он, то взвизгивал мотор маши-

ны вдали – и Кейтлин дорисовывала в воображении чёрный Крайслер, который видела всего только раз.

Всё чаще домой она ходила пешком, потому что так у неё было на сорок минут больше – сорок минут времени, которые она могла представлять, что Грег идёт следом. Ловить всполохи теней в проулках и прислушиваться к таинственным звукам города – предрассветного и ночного. Заставлять себя верить, что это Его шаги.

Жажда становилась всё нестерпимее день ото дня, пока Кейтлин не подумала однажды, что сходит с ума.

Она остановилась на краю моста, сверху вниз глядя на Темзу и покачиваясь с носка на пятку. Вода манила, обещала охладить жар, пылавший в голове.

Кейтлин резко вскочила на парапет и замерла, вглядываясь вниз. Голова кружилась, но это чувство было настоящим, и она наслаждалась им, пьянела от него.

Потом запрокинула голову и посмотрела вверх. В первую секунду она не увидела звёзд – только бесконечный чёрный купол, опрокинувшийся на неё. Но стоило постоять так чуть-чуть, вглядеться внимательней – и купол начинал медленно кружиться, словно гигантское сито, открывая за собственной гранью холодные голубые огоньки.

Кейтлин почувствовала это вращение и скривила губы в усмешке, поняв, что теряет контроль над телом, улетает в эту бесконечную пустоту.

– Я прыгну! – крикнула она, и в эту секунду действительно

верила, что прыгнет, оборвёт это всё одним шагом, избавится от необходимости просыпаться по утрам и видеть серое небо, затянутое смогом – а там, по ту сторону, может быть, снова увидит звёзды. —Слышишь, я прыгну, если не увижу тебя! – крикнула она громче и занесла ногу над пропастью, приготовившись шагнуть вперёд.

Она уже почти оторвалась от земли, когда сильные руки перехватили её поперёк туловища, и Кейтлин обнаружила себя прижатой к мужской груди. Заклёпки на куртке больно впивались в тело сквозь тонкую ткань рубашки, но даже это было правильным и родным.

– Не смей, – горячее дыхание коснулось уха, и по телу пробежала сладкая дрожь. Грег за её спиной тяжело дышал. Кейтлин ощущала близко-близко, как медленно и сильно бьётся его сердце, и этот ритм передавался ей самой.

– Тогда поговори со мной, – Кейтлин закрыла глаза и всем телом прижалась к его груди. – Будь со мной.

Грег уткнулся носом ей в волосы, и Кейтлин ощутила, как его горячее дыхание скользит по позвонкам на шее – от самого затылка к основанию спины. Возбуждение, нараставшее с самого первого прикосновения, становилось нестерпимым, и выплеснулось в какое-то новое, невозможно болезненное чувство, когда из-за спины прозвучало:

– Не могу.

– Это я не могу! – Кейтлин резко развернулась. Руки, державшие её, поддались неожиданно легко, и она обхватила

Грега за плечи, провела пальцами вниз, едва ощущая его тело сквозь толстую кожу куртки, чтобы коснуться шеи и поймать лицо в ладони. – Это я без тебя не могу! Не могу... – закончила она уже совсем тихо. Взгляд Кейтлин наткнулся на чёрную, как небо, пропасть глаз. Она качнулась вперёд, впираясь в губы Грега. Те оказались сухими и горячими. Мучительно долго – секунду или две – они не отвечали, и Кейтлин оставалось самой пробить их оборону, проникнуть внутрь рта Грега. Это было неправильно, «не то» и «не так», но она не знала, как ещё, а потом язык Грега рванулся навстречу, захватывая, устанавливая свою власть. Кейтлин застонала – всем телом прогибаясь навстречу, вжимаясь в горячее тело мужчины, чувствуя бедром напряжённый бугор под толстой джинсовой тканью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.